

СБОРНИК РАССКАЗОВ №2

Морские ДОСУГИ

2

Коллектив авторов
Николай Александрович Каланов
Морские досуги №2
Серия «Морские истории и байки»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42338940
Морские досуги № 2: ООО «Горизонт»; М.; 2019
ISBN 978-5-6042237-1-0

Аннотация

Сборник «Морские досуги» № 2 – это продолжение серии сборников морских рассказов «Морские досуги». В книге рассказы, маленькие повести и очерки, объединенных темой о море и морях военно-морского и гражданского флота. Авторы, не понаслышке знающие морскую службу, любящие флотскую жизнь, в юмористической (и не только!) форме рассказывают о виденном и пережитом.

Книга рекомендуется для чтения во время «морского досуга» читателя.

В книге представлены авторы: Валерий Самойлов, Сергей Опанасенко, Сергей Балакин, Сергей Акиндинов, Юрий Дементьев, Виктор Блытов, Пётр Курков, Андрей Данилов, Александр Козлов, Вадим Кулиниченко, Александр Курышин, Сергей Литовкин, Андрей Осадчий, Михаил Чурин, Николай

Ткаченко, Владимир Цмокун, Сергей Молодняков, Николай Каланов.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Валерий Самойлов	6
Сергей Опанасенко	21
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Коллектив авторов

Морские досуги № 2

© Каланов Н.А.

© На обложке фото Юрия Масляева

Валерий Самойлов Былинки из Оленьей Губы – Мурманск-62

Былинка первая.

**«Самый старый командир
подводного атомохода ВМФ СССР...»**

В 1987 году я получил направление на Северный флот России в экипаж капитана первого ранга Леонида Давидовича Папунашвили...

Командир субмарины Папунашвили Л.Д., 1987 год

– Смотри, не перепутай, Кутузов, – напутствовали меня в столице нашей Родины городе-герое Москве. – Надо говорить Давидович, а не Давыдович. Давид – грузинский герой! А Давыд..., сам понимаешь. «Папуна» грузин и сразу на тебя обидится, если не так скажешь. Промахнешься – пеняй на себя! Тем более, что у вас разница в возрасте... двадцать лет.

Весь перелет из Москвы в Мурманск я упорно тренировался, произнося про себя: «Давидович, Дави... Дави... Давы... Ть-фу-ты! Вырвалось!... Дави... Дави... Дави...»

– Даю, даю! – прошептала стюардесса над моим ухом, предложив легкий полетный завтрак.

– Дави..., – вырвалось у меня непроизвольно.

– Кого давить? – уточнила стюардесса.

– Его! – показал я на соседа, храпевшего на весь салон в течение всего двухчасового полета.

Я добрался до гарнизона Мурманск-62 – Оленьей губы – где-то к спуску флага ВМФ. Согласно статье 626 Корабельного устава спуск флага производится с заходом солнца. В моем же случае оно и не думало шхериться. Был летний полярный день. Что делать бедным военным – флаг то надо спускать? Что ж он так и будет колыхаться над волнами? Тут как раз кто-то из педантов военной службы и внес в Устав маленькую такую поправочку. Мол, для полярников, учитывая, что летом солнце все время висит над котелком, то есть над головой, время спуска флага регламентируется... самим командующим флотом. Как будто ему больше делать нечего, кроме как регламентировать заход солнца. Ладно, со спуском флага разобрались. А то ведь гражданский читатель и впрямь усмотрел бы в этом явлении некую проблему, даже операцию. Не понимая, что на флоте самая главная операция – это удаление гландов. Потому что на флоте все делается через одно, не буду уточнять какое, место!

За очередной сопкой горнист все громче и громче играл «Зарю», сопровождая спуск флага. Я понял – где-то за поворотом должен появиться долгожданный КПП – контрольно-пропускной пункт. Он и появился, но на фоне великолепной цветовой гаммы, возникшей от блеска на солнце простых скалистых мхов и низкорослого северного кустарника.

Картина впечатлила и я в приподнятом настроении дернул на себя ручку двери КПП.

– Вашу мать! – сходу вспылил я, удивившись, что дверь закрыта изнутри. – Откройте гарнизон! Где начальник КПП?

После небольшой паузы и изучения моей личности с пагонами капитана третьего ранга через смотровое окошко, заскрежетал запор и дверь отварилаь. Как всегда, во времена СССР меня встретили братья наши узбеки. А может, они были таджиками или туркменами? Не будешь же спрашивать их происхождение, название аула и прочие причиндалы. Они долго изучали мое командировочное предписание к новому месту службы, переводя друг другу кириллицу на их родной язык. Потом, один из них увидел в верхнем углу московский штамп и запричитал: «Моска! Моска!» Вопрос тут же был решен в мою пользу, и я переступил порог гарнизона Мурманск-62 или, как я узнал позже, «Шилинбурга», названного местными аборигенами в честь начальника гарнизона командира 13-й дивизии стратегических подлодок контр-адмирала Юрия Константиновича Шилина. Кстати, начальником штаба дивизии был в то время капитан первого ранга Владимир Николаевич Дронов, ставший после Стрельцова А.С. командиром спецсоединения и получивший героя России. Впрочем, многим перед назначением в наше спецсоединение обещали героев. В частности, стоявшим у истоков специальной деятельности, Л.Д.Папунашвили и А.С.Стрельцову. Я также рассчитывал на высокую награду и готов был её

заслужить. Мне было с кого брать пример. Мой направлeнец капитан первого ранга Первaшoв Влaдимир Фeдoрoвич имeл пoлный икoнoстaс: oрдeнa Лeнинa, Бoeвoгo Крaснoгo знaмeни, Крaснoй звeздy и мeдaль «Зa бoeвыe зaслyги». Еcли чeстнo, я вce жe eхaл слyжить нa Сeвeрный флoт нe зa oрдeнaми и мeдaлeями, a пpoстo избeгaя ТOФ-a – Тихooкeанcкoгo Флoтa. Ни o кaкиx нaгpaдax я нe дyмaл. Нo кoгдa yвидeл Пeрвaшoвa В.Ф., прoникcя нaвязчивoй идeей чтo-нибyдь зaслyжить. Нo, кaк извeстнo, нe вceм вeзeт в этoй жизни. Нaм, в oтличиe oт пpeдыдyщих и слeдyющих зa нaми рyкoвoдитeлeй, нe пoвeзлo. Нe былo тaк нaзывaeмoгo «звeздoпaдa». Слaвa Бoгy, чтo yжe в дeвянoстых гoдax пpoшлoгo вeкa нaгpaдили oснoвных cпeциaлиcтoв и гeрoями Рoссии cтaли кaпитaны пepвoгo рангa Влaдимир Юрьeвич Тeрeхoв и Oлeг Ивaнoвич Вacютa. Я видeл, кaк вce нaчинaлoсь, в кaкиx тeрзaнияx был дocтигнyт yспeх и oчeнь рaд зa них. A вoт кoмaндиpy coeдинeния Aлeкcaндpy Сeргeeвичy Стpeльцoвy нe пoвeзлo, oгpaничили oрдeнoм Крaснoй звeздy.

А.С.Стрельцов

В памяти сохранился фрагмент текста из моего представления к ордену: «...при возникновении аварийных ситуаций в период испытаний действовал решительно и хладнокровно...». Представление было подписано как раз Стрельцовым А.С., исполнявшим обязанности командира соединения. Да ладно с ним, не состоявшимся орденом, главное – я познакомился с неординарной личностью, своеобразным Леонидом Давидовичем Папунашвили. Это был мужественный, ответственный, добросовестный и технически исключительно грамотный командир подводного атомохода. Он был обрусевшим грузином с великолепным русским языком и голосом Левитана.

– В нарды умеешь играть? – задал Леонид Давидович первый вопрос, показывая наше хозяйство.

– А как же, Леонид Давидович – ответил я, четко выговаривая его отчество, как и учили в Москве.

– Ну, тогда сработаемся, – улыбнулся он, понимая, что я проинформирован о нюансах. – Ты, говорят, из разведки? Это хорошо!

Главное – изучи матчасть, все, что связано с нашей деятельностью. Не ясно – обращай ко мне в любое время.

О Папунашвили можно долго говорить. В последующем, уже будучи на военной пенсии и попадая на тусовки, и после не одной «рюмки чая», ко мне присаживались те кому под 80-т и задавали традиционный вопрос: «Ты служил с самим «Папуной»?.. Его авторитет был непререкаемым, а когда мы

познакомились, шел 53-й год – он был самым старым командиром подводного атомохода в ВМФ СССР. Я спрашивал, почему он не перевелся в Москву, ведь предлагали и не раз. На что он мне говорил своим уверенным и громким голосом: «Ну, кто я в Москве? Никто. Вот если только в Тбилиси... А кто я в Тбилиси? В Тбилиси я единственный грузин – командир атомной подводной лодки...». Затем он доставал фотку футбольного стадиона. «Вот стадион – фото из моего окна. Квартира у меня в достойном месте в Тбилиси. Меня знает Шеварнадзе...»

Как-то предложили мне купить «Волгу» – положено было по статусу. Я говорю Леониду Давидовичу, мол, еще не накопил. «Не проблема – говорит, – скинемся!» Но я никогда не брал деньги в долг, принципиально и не взял на этот раз. «Куда же ее девать? – спрашивает Папунашвили и с улыбкой смотрит на меня. Я говорю: «Вы же грузин – одна здесь, другая в Тбилиси!» Так и порешили.

За что я очень благодарен Папунашвили? Конечно же за сына, вернее сказать, что отпустил меня втихаря, как только я показал ему телеграмму о его рождении посланную из Белоруссии. Это был у меня второй сын. «Эх, мне бы сына!» – произнес Леонид Давидович, у которого была дочь. А теперь я впервые раскрываю огромную тайну... Мы испытывали сложную подводную технику, часто ломались и находились в подвешенном состоянии – пойдем в море или не пойдем в море... Был риск, что я улечу, а тут надо в море

выходить. «Беру все на себя – лети! Я прикрою!» – произнес Папунашвили и вопрос был решен. Я смотался в Пинск и вернулся обратно, успел как раз под выход в море. Никто о моей поездке так и не узнал. Вот такой был командир. Субмарина была своеобразная и ему долго искали замену. Наконец появился новый командир, но это уже другая история...

Былинка вторая – продолжение Былинки первой.

«Я сказал: «РЕВЕРС!»

Мой последний начальник на военной службе заместитель командующего Балтийским флотом по боевой подготовке вице-адмирал Виктор Иванович Литвинов, во время драматичного последнего дележа квартир, когда в 90-е годы делить было нечего, сказал примерно так: «Вы послужите там, где служил Самойлов, а потом «права качайте»...» Я пролетел с орденом на Северном флоте, но не пролетел с орденом на квартиру на Балтийском флоте, впрочем, речь пойдет не обо мне, а о новом командире подводного атомохода спецназначения Михаиле Зиновьевиче Степанове, прибывшем на замену легендарному Леониду Давидовичу Папунашвили...

В то время соединением командовал капитан первого ранга Омельченко Петр Степанович. Как и многие наши руководители, раньше он проходил службу командиром «стратега» проекта 667 БДР-БДРМ. Он также на что-то рассчитывал, но делал все слишком уж осторожно. В итоге он получил что хотел – квартиру в Киеве. Я не в праве давать ему оценку, но после смены власти, при А.С.Стрельцове все и закипело, появились конкретные результаты боевой подготовки.

При Омельченко П.С., мне запомнился один эпизод, когда командир атомохода на мостике отшвыривает своего начальника, то есть его самого, командира соединения... Это произошло на нашей субмарине во время первого самостоятельного выхода в море и швартовки в базе нового командира капитана первого ранга Михаила Зиновьевича Степанова, сменившего Л.Д.Папунашвили. Командир соединения не понял, что во время швартовки подводный атомоход не погасил инерции хода и стал надвигаться на стоявшие впереди водолазный катер (командир мичман А.Демочка) и РЭС – рейдовую электростанцию (командир капитан второго ранга А.Б. Выборнов). К тому же рубка потеряла связь с центральным постом, и все команды подавались голосом в вертикальный люк, где и сгинула одна из команд командира субмарины.

– Реверс! – громко и резко скомандовал в вертикальный люк М.З.Степанов.

– Это еще зачем? Отставить, реверс! – раздался возму-

щенный голос П.С.Омельченко, и он двинулся к люку.

Чуть правее люка специально для предыдущего командира субмарины Леонида Давидовича Папунашвили в период заводского ремонта был смонтирован откидной стульчик, на который тот любил залазить и стоять на нем при швартовках – так было лучше наблюдать за действиями швартовой команды. Михаил Зиновьевич еще не распознал назначения этого стульчика, поэтому, и для большей убедительности в правоте своих действий, ударил по нему кулаком, разнеся в щепки. Попутно, он с силой отшвырнул подальше от люка и Петра Степановича, проорав при этом что было сил на весь «Шилинбургский гарнизон»:

– Я сказал: Реверс!

Решительная команда командира атомохода мигом долетела до центрального поста. Народ засуетился и механики четко отработали реверс, то есть движение субмарины с переднего на задний ход. Субмарина остановилась впритык к суденышкам, участь которых висела на волоске. Все замерли в ожидании жуткой словесной развязки. Присутствующие, а народу в рубке набилось человек пятнадцать, смотрели на Омельченко П.С., не решаясь что-либо сказать. Тот долго стоял и молчал, анализируя произошедшее и виртуально взвешивая на прокурорских весах все возможные последствия. До него наконец дошло, что командир субмарины Степанов М.З. всех спас от чрезвычайного происшествия. РЭС-ка бы выдержала удар субмарины водоизмещением бо-

лее 6000 тонн, а катер мог затонуть. А на нем в этот момент экипаж в полном составе, находясь в трюме, смотрел программу «Время» ... Мы со Степановым М.З. переглянулись, понимая, что все равно корабельные будут во всем виноваты – ведь кто-то же в центральном посту «промухал» одну из команд. Кто? Как потом показал «разбор полетов» – это был старпом, к тому же мой корешок Кирилл Пархоменко. Мы дружили семьями. А его дедушка и есть знаменитый герой Гражданской войны Александр Яковлевич Пархоменко, погибший в бою с махновцами. Простили мы ему этот прокол – конечно же из-за дедушки...

Командир субмарины Степанов М.З. в аварийной

ситуации – заклинило перископ...

– Всему руководству собраться на ЭНС-е! – коротко командовал Петр Степанович и убыл восвояси.

ЭНС – это энергетическое судно (командир капитан третьего ранга Васильев Василий Петрович). Пароход был польской постройки, большой и комфортабельный. Естественно, что все начальство соединения изначально обитало именно там. Так происходило до тех пор, пока не пригнали финскую плавказарму. Когда мы поднялись на борт ЭНС-ки – этого местного «титаника» – и зашли в большую каюту П.С.Омельченко, то изрядно удивились, увидев накрытый стол со спиртными напитками и закусками. Оказывается, это был его прощальный выход в море. Квартира в Киеве ждала заселения, и состоялся приказ о назначении на его место командира технического экипажа, тоже в прошлом «стратега», капитана первого ранга Александра Сергеевича Стрельцова. Мы выпили, и Петр Степанович расчувствовался.

– Я доволен тем, как все поставлено на атомоходе. А вы, Михаил Зиновьевич, – обратился он к Степанову. – Вы настоящий моряк и надежный в море командир! Молодец! Теперь я могу спокойно покинуть свой пост.

О Петре Степановиче Омельченко остались очень хорошие отзывы, но он, все же, перед пенсией перестраховывался и это не давало результата. И, конечно, все еще долго вспоминали как его отшвырнул Степанов Михаил Зиновьевич с

криком «Я сказал реверс!», спасая всех и вся... Что же до старпома... Ну как я могу писать о нем плохие слова, если он мой друг...

Старпом Кирилл Пархоменко /слева/ в гостях у автора

Самойлов Валерий Александрович

Родился в 1956 году в Петропавловске-Камчатском. Первая половина жизни была посвящена службе на благо Отечества и прошла в подводном флоте. Вторая половина жизни ушла на подъем промышленного производства, в основном рыболовного и танкерного. Литературную деятельность начал в 80-е годы прошлого века, будучи внешкором газеты «Страж Балтики» в Африке.

<https://www.litres.ru/valeriy-samoylov-11958188/>

Сергей Опанасенко

Купание красного коня или Пять суток ареста за дочь

Хотите верьте, хотите нет, а дело было так...

Женился я, по курсантским меркам, рано, уже в конце 2-го курса. И я, и жена не севастопольцы. Когда я уже был на 4-м курсе, пришла пора жене рожать. Поскольку родственников у нас в Севастополе не было, и помочь было некому, решил я оправить ее рожать домой, в славный город Ворошиловград. Подошел к нач. факу, кап. 1 ранга Туру, и он, к мо-

ему изумлению, разрешил отвезти жену домой. Все прошло нормально. Жену отвез. В этот же день (видимо все-таки в поезде ее немного растрясло), 10 декабря 1985 года, она родила мне дочь, Сашу. Через несколько дней, счастливый, я благополучно вернулся в Севастополь. Вернулся, естественно, не пустой, а с полной сумкой спиртного.

Первое, что поразило меня в Севастополе, это отсутствие на улицах курсантов. Обычно утром, а я ехал со съемной квартиры на Остряках, встречаешься со своими уже в троллейбусе, потом на Графской и далее в катере. Здесь же все было пусто. Я был в единственном числе. Стало немного жутко. Что же случилось в Севастополе за время моего отсутствия? Война? Эпидемия? Карантин? Учения?

Короче полная Ж...!!!

И только приехав в Голландию я узнал, что действительно, училище сидит без увольнения. Причина: все ищут пропавшую сов. секретную книгу. Отменены занятия, увольнения. Вся территория училища разбита на зоны, каждому классу нарезан участок и вперед. Завтрак – искать книгу, обед – искать книгу, ужин – искать книгу, отбой, и на завтра все сначала. Потерял книгу кто-то из «пятак», не помню какого факультета, фамилия, по-моему, Корчак (или что-то подобное). Она попросту исчезла из его секретного чемодана. Поговаривали, что это была чья-то месть, кто-то из своих подгадил. Было ли за что или не было, судить не берусь. Говорят этот несчастный был старшиной роты у своих и не всем

навилась его политика. (тут меня уже поправляют про Корчака. Но я же ничего не утверждаю, просто пишу, что сам запомнил и что слышал потом. Никого не хотел обидеть, но ведь книгу украли точно свои. Так просто она из секретного чемодана не пропала бы!). Забегая вперед, скажу, что книгу так и не нашли. Через несколько дней все стихло. Судьбу неудачника также не знаю – говорят, командовал где-то котельной, как сыр в масле катался. Но это только прелюдия и не является темой моего рассказа.

В этот же день, день моего приезда, после сампо, по старой флотской традиции меня, как «родившего» дочь, решили искупать в море. Декабрь!!! Хоть и Севастополь, а все-таки холодновато! Ну, собственно, ничего – у нас с собой было.

Сразу же после сампо, спустился я вниз и только часы успел снять и документы из карманов вынуть, как меня подхватили на плечи и бегом, с улюлюканьем, криком, свистом, гиканьем, битьем железяками в тазики, потащили на пирс плавсредств. Мичмана, дежурного по плавсредствам, робко пытающегося что-то сказать и этому разгильдяйству воспрепятствовать, наша орда снесла напрочь. На пирсе меня, недолго думая, бросили в воду. Вынырнул, выплыл, крепкие подхватившие руки товарищей, вылез, накинута шинель, застрявшие в горле матерные слова, поднесенный заботливой рукой Юрки Литвинова стакан водки и бегом в роту.

А дело было, как вы помните, в 1985 году – перестройка, борьба с пьянством и алкоголизмом и, как следствие, борь-

ба с нездоровыми традициями (банкетами, презентациями, «пьяными» свадьбами, и т. д. и т. п.). Говорили (а может это просто курсантские байки той поры), что в те «трезвые» времена плачущих полковников и капразов вытаскивали из ресторанов и увозили в комендатуру, а что уж говорить о такой мелюзге как мы. Попалась под горячую руку и эта старая флотская (а может только Голландская?) традиция (кстати, может кто знает как в других училищах сие было и на других флотах. У себя в Приморье на ТОФе мы также делали, но поскольку там был сплоченный «голландский» коллектив и, может быть, удачно сия традиция была пересажена на дальневосточную почву) – если родился сын, значит родился моряк, отца с почетом утром несут на руках на камбуз, а если родилась дочь, значит отец – «бракодел», и его бросали в море. Вообще, хоть и не сильно мы выпили и не сильно буянили, да и не эта пьянка была поводом, но кто-то решил устроить образцово показательное наказание. Оказывается сука-мичман с плавсредств заложил нас дежурному по училищу (приметил на рукаве четыре шеврона курсовки, проследил, гад, в какой подъезд мы зашли после «купания красного коня», далее вычислить нас уже было не сложно). Дежурный по училищу мужик мудрый, на рожон лезть не стал, подождал пока мы все отбуянимся, уляжемся. После этого пришел в роту, якобы с плановой проверкой. Доклад дежурного по роте: «Во время дежурства происшествий не случилось!».

«Так-таки и никаких?»

«Так точно! Никак нет!»

Дежурный по училищу, старый мудрый капраз, тоже заканчивал нашу Систему и к делу подошел системно.

Зашел в сушилку, открыл калорифер, там сохнувшая форма три. Проверил подпись на сушащемся обмундировании (а подписывали, как вы помните, хлоркой).

Удовлетворенно: – «Та-а-а-к! Опанасенко! Дайте план размещения личного состава по койкам!»

Я уже спал, когда меня разбудили и задали на ухо один только вопрос: «У тебя дочь родилась?». Ну и как я должен был ответить на этот хитрый и мудрый вопрос?

В общем утром на докладе меня со спокойной совестью вкладывают начальнику училища.

Далее события развивались следующим образом. Утром, после завтрака, нашу роту останавливает нач. фак. кап. 1 ранга Тур, уже раздраженный, злой, получивший свой пистон от нач. училища.

Раздраженно: – «Кто дежурный по роте?»

«Старшина 2 статьи Калимулин».

«Выйти из строя! Кто вчера бросал Опанасенко в море?»
«Я не видел?»

«За обман начальника факультета – 7 суток ареста!».

Молодцевато: – «Есть 7 суток ареста!»

«Старшина 2 статьи Опанасенко!»

«Я!»

«Выйти из строя! Кто тебя вчера бросал в море?»

Молчание.

Ехидно: – «Ты, наверное, тоже не помнишь!?»

Скромно: – «Помню».

Удивленно: – «Да ты смелый. Ну, скажи, кто?».

Спокойно: – «Не скажу».

Раздраженно: – «За обман начальника факультета – 5 суток ареста!». Молодцевато, и где-то даже весело: – «Есть 5 суток ареста!» (Про себя недоуменно: "Странно! Вроде никого не обманывал, сказал все честно!").

Хоть дело было перед зимней сессией, и садиться на гауптвахту очень не хотелось, а пришлось. А ведь чтобы допустить к сессии надо кучу зачетов сдать, кучу курсовиков, РГРов и лабораторных защитить и т. д. и т. п. Не сделаешь всего этого, к сессии не допустишься, не сдашь сессию, не поедешь домой в отпуск – расклад очень простой.

И вот мы уже сидим с Эльдаром Калимулиным в старшинской камере на знаменитой Севастопольской гауптвахте.

«Странно как-то, дочь родилась у тебя, тебе 5 суток ареста, а мне 7!». «Это тебе надбавка за дежурно-вахтенную службу!»

В камере сыро и холодно. Батареи холодные. В камере 4 арестанта, все «годки»: мы с Эльдаром, курсанты 4 курса, младший сержант морской пехоты с Казачки Дрейска Гунар (родом из предместья Риги) и еще один старшина 1 статьи с надводного корабля (фамилию не помню, зовут, по-моему,

Юрий, родом, по-моему, то ли с Волгограда, то ли с Саратова). Короче хохол, татарин, латыш и русский, т. е. полный Интернационал и "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!". (Отдельная история как попал на гауптвахту Гунар. Довольно забавно. Все мы видели фильмы про Великую отечественную войну. Итак – первые месяцы войны, наши оборванные пленные работают: разбирают какие-нибудь развалины или еще что-нибудь, их охранник – ариец, эдакая «белокурая бестия». Что же он делает? Расслаблено сидит в тенёчке, автомат (карабин) небрежно поставлен возле ног, и что??? Сейчас узнаете, на примере Гунара!

Значится так! Наши дни, точнее 1985 год, заступает на Севастопольскую гауптвахту караул от морпехов из Казачки. Ребята все здоровые, стройные (правда мы все в то время тучностью не страдали, чего не скажешь теперь), красивые. Отдельно выделяется младший сержант Дрейска Гунар – высокий, белокурый, красивый, со спокойным нордическим характером и чисто арийской внешностью. И вот он назначается конвойным и с группой арестованных направляется на работы, по-моему в Севастопольский яхт-клуб. Когда помощник (или заместитель, не помню как он там обзывался) начальника гауптвахты приехал проверять работу арестованных и правильность несения службы караулом, его изумленному взору (а также взорам не менее изумленных мирных севастопольцев, кстати сравнительно недавно пережившим немецкую оккупацию – всего-то чуть более 40 лет

прошло) предстала следующая картина. Оборванные воен-
нослужащие неизвестно какой армии что-то копают, разби-
рают, таскают, рядом охранник, «белокурая арийская бес-
тия», сидит в тенёчке, в черной форме с закатанными ру-
кавами (то ли советский морпех, то ли эсесовец), автомат
стоит на земле возле ног, а сам что? Правильно! Играет на
губной гармошке! Мелодия слезливая, ностальгически-сен-
тиментальная, вроде:

"Ah, meine nett Augustin, Augustin, Augustin!
Ah, meine nett Augustin,
Allen, ist aller gegangen!"

или

"Vor der Kaserne
Vor dem grossen Tor
Stand eine Laterne
Und steht sie noch davor
So woll'n wir uns da wieder seh'n
Bei der Laterne wollen wir steh'n
Wie einst Lili Marleen".

Вам это ничего не напоминает? «Матка! Млеко! Яйки!
Арбайтен! Хенде хох! Вэг! Расстреляйт!». Вот это и был наш
Гунар. В итоге 10 суток ареста). Сидим мы посиживаем,
строевыми не занимаемся, гоняют на работы: в яхт-клуб, на

автобазу и т. д. Копаем, носим, перетаскиваем, гребем, черпаем – в общем выполняем самую «черную» и грязную работу. Спать очень холодно. Стелим две толстые матросские шинели на нары, укрываемся двумя тонкими курсантскими. Под голову – кулак (помню почему-то сначала нам не давали шапки, чтобы их положить под голову). Одна мысль в голове, скорей бы утро. Помню очень боялись заболеть, т. к. тогда точно не сдали бы сессию и не поехали бы в отпуск.

Благо все мы, как я уже писал, были «годки». Быстро разобрались в обстановке, нашли знакомых, корешей, земляков (особенно в этом преуспели наши срочнотрудовые друзья Гунар и Юра. Мы с Эльдаром, как вы понимаете, уже чувствовали себя без пяти минут лейтенантами и были выше этого) – в общем, наладили более-менее приемлемую жизнь. И ели неплохо, и курили в камере, после отбытия наказания поправились каждый на пару килограммов.

Ну, в общем-то, все завершилось хорошо. Отсидели, каждый свое. К сессии допустились (надо отдать должное нашим преподавателям, отнеслись с пониманием. Когда бегали сдавать зачеты к сессии и преподаватели узнавали за что мы сидели на губе – смеялись и сразу ставили зачеты). Сессию сдали. В отпуск поехали (а отпуск для курсанта это святое).

На кап. 1 ранга Тура я и тогда не обижался, а теперь и подавно. Благодаря отсидке приобрел хорошего друга Эльдара. Мы до сих пор вместе, и я его считаю вторым крестным отцом своей дочери (мусульманина!..), первый крестный –

Юрка Литвинов, он её и в церкви крестил.

Кстати, хотим с Ильдаром собрать всех арестантов с нашей камеры. Гунара Дрейска адрес есть. Я у него в Риге был в гостях, вместе с женой, уже лейтенантом в 1987 году. А вот Юру надо найти. Как думаете, можно где-то в архиве найти регистрационную книгу Севастопольской гауптвахты за 1985 год? Или еще что посоветуете? Может какие-то запросы в архивы?

Ну вот и все.

Ребенок мой благополучно вырос, уже скоро 25 лет, закончила юридический факультет одного из московских ВУЗов, работает в одном из Федеральных агентств. Живу я в Москве. С Эльдаром Калимулиным работаю в одной компании (Я под его чутким руководством – он "в законе", ведь на 2 суток больше отсидел!). Записку об аресте, кстати, я храню:

Записка об аресте

19 декабря 1985 г.

№ роты (такой-то команды) 144-го СВВНКУ

Должность Ку-санг

Воинское звание старшина 2-го зв.

Фамилия, имя и отчество Овчинников Сергей Владимирович

Кем и когда арестован командир роты, 16 декабря 1985 г.

Причина ареста за обман нац. на фронт

На какой срок арестован 05 (пять) суток

В какой камере содержать общей

Когда номыт в силе 17 декабря 1985 г.

Заключение врача Мясоедов и сессористов, изложил. По

Командир 144-го СВВНКУ роты (комбинат)

(воинское звание и подпись)

Отсутствует гауптвахты (дежурного по части)

Принят 09.12.85 г. И. 20

Подлежит освобождению 24.12.85

Начальник гауптвахты (дежурный по части) от. пр-ис

(воинское звание и подпись)

Изменения режима содержания под арестом

Освобожден 24.12.85

Начальник гауптвахты (дежурный по части)

(воинское звание и подпись)

Храса Кена

На арестованном состоят вещи:

1. Шитые 2. Шитые 3. Шитые хлябче
4. Рубашка шелковая 5. Рубашка 6. Рубашка шелк 7. Халатик
8. Рубашка шелковая 9. Рубашка.

Командир 141 роты кап. Зрелов роты (команды)
(воинское звание и подпись)

 = Шадулло =

Указанные вещи оказались полностью (или за исключением того-то)

Начальник гауптвахты (начальник караула)

Кап. шр. и. Зр = Стевентуз =
(воинское звание и подпись)

P.S. Второй и уже последний раз я сидел на губе уже офицером. Капитан-лейтенантом в славной базе в бухте Павлов-

ского. Был начкаром на губе и у меня сбежал арестованный матрос, а конвойный, плесень подкильная, стрелять не стал. Может это и к лучшему – стрелять в человека непросто, и сейчас этот матрос где-то живет и радуется. Сейчас вот думаю, как классно, что конвойный не стрелял (почти как у Высоцкого: "Но был один, который не стрелял..."). Пусть его... Зато греха на душе моей нет. Мне не жалко, отсидел 10 суток (объявил нач. Гарнизона). (Кстати, помню комендант гарнизона был майор, недавно к нам переведенный из Германии. Пытался он меня заставить заниматься строевыми с матросами. Я несколько часов ими покомандовал, а он смотрит из своего окна на 2 этаже. Ну я тогда и сочинил строевую песню на мотив "Три танкиста...". Помню, что-то там такое: "Над губою тучи ходят хмуро, комендант в окно свое глядит, всем известно в мире – пуля-дура, Без разбора в цель она летит!.." Ну и ещё что-то в таком же ключе – про губу, коменданта, порядки и вообще. Заставил матросов выучить наизусть. И на другой день начал их гонять со строевой песней. Сначала комендант не понял, видимо слов не разобрал – подумал, что мы поем: "Три танкиста, три веселых друга...", даже похвалил за инициативу. Потом вслушался, и больше я строевыми не командовал. Спал в камере.). А матросика так и не нашли. Он был с Украины, а уже тогда началось отделение самостийной Нэньки. Как потом удалось узнать, у него все было подготовлено – гражданка, продукты, деньги, билеты и он благополучно убыл на Родину. В те времена просто

отправляли личное дело в военкомат по месту жительства (я имею в виду сбежавших матросов из ранее братских союзных республик, а теперь республик ближнего зарубежья) и все. Ну и ладно. Обидно только то, что где-то месяца через три офицерам отменили дисциплинарное наказание арестом на гауптвахте. Так что я был одним из последних могикан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.